

Мария Останина

**Идеалистки.
1905**

Мария Останина
Идеалистки. 1905

«Автор»

2026

Останина М.

Идеалистки. 1905 / М. Останина — «Автор», 2026

Нашим героиням остается всего полгода до долгожданного выпуска из института благородных девиц. И кажется, что судьбы многих predeterminedены. Кого-то подхватит вихрь светских развлечений, кто-то продолжит учиться на высших курсах, а кому-то предстоит искать место гувернантки. Но «Большая История» вершится отныне не на дальних рубежах империи, а прямо на петербургских улицах. Что же значит теперь – «быть готовыми к настоящей жизни»?.. Всем ли удастся спасти своих близких, готовых убивать друг друга «во имя общего блага»?.. Останется ли с подругами вера в то, что свой земной рай можно построить и не на крови?..

© Останина М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Январь 1905 г. Первое воскресенье в институте. Предсказание поэта	5
Январь 1905 г. Первое «политическое» противостояние	13
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Мария Останина

Идеалистки. 1905

Январь 1905 г. Первое воскресенье в институте. Предсказание поэта

В институт мы приехали утром 8-го числа. В этот раз впереди оказалось два свободных дня, обрадовавших многих девочек и девушек – сколько времени, чтобы обсудить все, переговорить, кто как провел каникулы!

Мне было жаль расставаться с Мишей, но уже знакомые песочные стены заставили вспомнить о другом. Скоро я увижу Милю и узнаю, как обстоят ее личные дела. Полна ли она по-прежнему решимости выйти замуж за старшего сына Ланевских? Или же вдруг у них что-то разладилось?

То, что обсуждали перед нашим отъездом родители, в дороге мало волновало меня. Забастовки и для меня тоже касались только заводов и фабрик, а о работающих там людях я знала еще меньше, чем о крестьянах. С деревенскими-то жителями я еще должна была соприкоснуться как будущая «прогрессивная» помещица! Конечно, в газетах можно было вычитать какие-то общеизвестные вопросы вроде восьмичасового рабочего дня – но такое чтение вовсе не приближало этот промышленный «Питер» к нашему светскому Петербургу... «Нашему»! А ведь на самом деле я еще не знала, удастся ли мне когда-нибудь назвать этот город своим по праву...

В самом же центре меня поразило, что мы дорогой почему-то встречали много военных и полицейских. Часто видели, как они о чем-то между собой переговариваются... Едва взглянув на всю эту стражу, можно было сразу понять, что они готовятся не чествовать героев войны или встречать приехавших с официальным визитом европейских монарших особ... И вообще никто из них не ждет ничего хорошего.

Нечего было и думать, чтобы война заканчивалась после сдачи Порт-Артура. Но чего же могла опасаться столица? Что могло произойти на святочных неделях? Предпочитая приключенческие романы «скучным» взрослым газетам, я вновь представляла себе не заводскую забастовку, а дворцовый заговор или диверсию японских шпионов...

* * *

...Институт показался мне таким же, каким всегда и встречал нас в дни приезда с каникул раньше. Заставляющим попеременно то мечтать о выпуске, то опасаться расставания с подругами... Скрашивающим начало учебы свежими воспоминаниями о домашних праздниках. Но все так же мало касались его любые уличные тревожения! И поэтому в тот день я еще не догадалась расспросить заранее одноклассниц-петербурженок, вспоминая лишь о таких же провинциалках, как я... И, даже простившись с младшей сестрой и побежав к Миле, я не вспомнила о том, что, оставаясь на каникулах у Ланевских, она как раз оставалась в столице!

Слишком много всего случилось у меня самой дома, слишком многое происходило теперь и в ее жизни... Я догадывалась, что близкое знакомство с княжеским семейством окажется не самым радужным – но не ожидала увидеть маленькую баронессу такой негодующей.

- Что случилось? – спросила я, - Кто же так огорчил тебя? Наталья Сергеевна? Или Нонна?

Мне было больше некого «подозревать» в той семье, но Вальтер выпалила:

- О, эти мужчины... Их без присмотра просто нельзя оставлять! Все одно – что старший, что малый...

- Да кто там малый-то? Марк? Ведь не твой же Андрей Юрьевич? У него самого трое детей...

- Вот и я ему все о том же говорила... что о детях надо думать...

Оказалось, что за два дня до нашего съезда братья Ланевские, раззадорившись, устроили «шуточный» поединок на шпагах – и старший, Андрей Юрьевич, был ранен... Опасности для жизни вовсе не оказалось – но нужно было лежать несколько дней в постели, и еще дольше не выходить на службу. Но в полку все равно требовали выйти как можно скорее – «в связи с положением в городе». Конечно, Миля ухаживала за возлюбленным вместе с его сестрами, хоть и упрекала его за легкомыслие. Зато княгиня, сперва и впрямь бывшая не в восторге от не самой знатной и богатой будущей невестки, теперь оценила ее «разумность» и «серьезность»...

- А Юрий Николаевич?

- Да тоже все не «samme it fault»... Ходил на какой-то прием со своими приятелями - я не поняла, почему, но это и княгине, и Andre очень не нравилось... Они все спрашивали «разве эти банкеты вновь разрешили?» и ссорились. Тот спросил у Натальи Сергеевны, не ревнует ли она – а сын тут напомнил – знаешь же? Фразу Чехова про жену-изменщицу и Отечество... Вот князь и рассердился, кричал, что если бы не родство – вызвал бы... А Andre возражал, что именно отцу следовало бы считать дуэли предрассудком, если уж быть последовательным... Неловко было присутствовать при всех этих ссорах, и я их так толком и не поняла...

И мне тоже эти ссоры в тот день еще казались непонятными... Но и с самого лето в Солнечном я помнила, каким одиноким среди своих родных был Андрей Юрьевич. Вот только раньше все мои новые знакомые были как будто настроены в первую очередь против княгини со старшей дочерью, а тут находились разногласия уже между сыном и отцом...

- У нас и самих обед торжественный был... Не знаю, что может быть плохого в еще одном приглашении? И бал в Новый год устроили... Знаешь, Ланевские всегда по традиции дают «цветные» сезонные балы! Этот белоснежно-серебряный, с декорациями зимнего леса...

Я поняла, что подруга тоже не прошла мимо подготовки этого торжества, и что занималась им наверняка женская половина семейства... Так что если молодой князь считал неуместным устраивать балы в военное время – ему стоило бы спорить не с отцом, а с матерью и сестрами...

- У наших младших мальчиков своя компания... У Али и Лены кухни и великосветские подружки не из института – они нас всех знакомили... А все вместе еще балет смотрели в Мариинском... Но главное, что малыши меня приняли, похоже... А у тебя?

Она все-таки смогла выведать все, что было у нас в доме на каникулах. И ужаснулась, услышав, как равнодушно относится теперь к возвращению Арсения Аделаида Николаевна.

- У меня-то самой, слава Богу, ни жениха, ни брата на войне нет, - говорила она, - но если бы мы были в том же положении, что и твоя семья, Женя... Да мама только бы и думала о том, как бы сын вернулся... Пожалуй, даже сообщению о смерти не поверила бы сама!

...Разве же можно было сомневаться в том, что Вальтер меня поймет?

Пока не начались уроки, мы должны были опять заниматься шитьем и вышиванием «в пользу фронта и раненых». И за этой работой все так же обсуждали прошедшие семейные праздники, описывали увиденные спектакли, делились домашними гостинцами... Посмеиваясь, пересказывали подсмотренные у горничных гадания «на суженого»... Словно вновь возвращались в детство - и завидовали взрослым, для которых бальный сезон еще не должен был закончиться.

* * *

Праздничное настроение не спешило покидать наши дортуары и на следующий день – как вдруг мы поняли, что на улице гремят вовсе не последние святочные гуляния... Слышали и отчаянные крики, и топот лошадей, и звон разбитого стекла... Потом поняли, что грохотали

и выстрелы. Но увидеть своими глазами никто еще ничего не успел до того, как дежурившая в тот день Звонарева велела отойти от окон...

Для института, где, как раньше казалось, расписаны на много лет вперед все минуты и секунды, весь этот день оказался сумасшедшим.

...А со стороны? Мог ли кому-то наш «песочный замок» показаться островком спокойствия, оттого что у нас внутри, конечно, не стреляли, не били стекол и не строили баррикад?

Чего же теперь ждали все девочки и их наставницы, толпившиеся в полутемных коридорах? Мне вспоминалось, как «седушками» мы ночью тайно «дежурили» тут, приняв вызов Цесаркиной – какими мы были смешными! Как не одна из нас рисовала после уроков отца Иоанна Ноев ковчег, «расставляя» на палубах пары экзотических животных – а теперь сам наш институт походил на такой ковчег... Как мы пережили не так давно наводнение – и каким пустячным оно казалось теперь!

Я вспомнила вчерашние городские улицы – и поняла, что вся эта усиленная охрана была прологом к дню сегодняшнему... Но чего же боятся внутри у нас? Почему так растеряны провинциалки и взволнованы петербурженки? Что они представляют себе, слыша от классных дам найденное на скорую руку: «В городе сейчас беспорядки»? Только ли беспокоятся из-за родных? Или... Да разве нам самим может что-то угрожать так далеко и высоко – на четвертом этаже? Но от кого же?

Только тут я и вспомнила, что, если Миля тоже оставалась на каникулах в Петербурге, она наверняка что-то могла знать! Андрея Юрьевича вызывали на службу как раз из-за «положения в городе»!

- Ты... понимаешь? – только и спросила я, выразительно посмотрев то на одну, то на другую «столичную» одноклассницу, и лучшая подруга тотчас же кивнула... Но каким же тяжким было это понимание!

- Я, конечно... не совсем... интересовалась...

Лишь теперь мне понятно, почему эти сказанные полупшепотом слова так не понравились Ладыжинской, тотчас же переместившейся ближе к нам.

- Andre больше знает, - продолжала искать слова Миля, - как и его отец... Но подумать только! Я же ведь еще вчера на них злилась... Из-за того поединка! А сейчас радуюсь, что так вышло... И что он дома...

- Дома! У маменьки и папеньки под крылышком! – резко перебила Юля, - Конечно! Ведь весь мир против твоего бедняцкого разлюбезного Andre!

- Нет.. Я не то...

- Что «не то»?

- А что тебя-то не устраивает?

- То, что твой жених служит в гвардии, как я поняла? И теперь...

- Кавалергарды, - подтвердила Миля, - а что гвардия?

- А то, что стыдно «не интересоваться», в чем состоит служба твоего жениха! Andre опасно идти! А ты думала, каково будет... принимать руку и сердце, когда та рука... в чужой крови?

- В... крови? Но разве же мне хочется... чтобы там, на улице... убивали?

- Да о чем вы все говорите-то? Кого убивали? – не выдержала я, по-прежнему мало понимая спорящих одноклассниц.

...«Беспорядки», о которых говорили старшие, еще представлялись мне картинами из почитанных исторических романов, а этот разговор – точно разыгранной пьесой. Как же я сожалела порой раньше, что живу в «слишком спокойное», а значит, «неинтересное» время! И вот, на наших глазах, оно становится «интересным» - только мы не можем листать полюбившиеся страницы, полулежа на садовых качелях, как не можем и сами выбирать между «галер-

кой» и «партером». Их попросту нет у этой «сцены», на которую нас вытолкнули неведомые драматурги, не спросив нашего желания.

Хорошо ли я знала тогда Андрея Юрьевича? Нет, конечно – этого никак нельзя было сказать после одних–единственных каникул в усадьбе его родителей. Но даже если бы наше знакомство не должно было вскоре стать близким из-за Мили – он оставался бы живым человеком. И таким же живым был, конечно, и тот неизвестный, в чьей пролитой крови готовы были упрекнуть возлюбленного подруги...

...Как же я гордилась когда-то сперва «мальчишескими» играми и занятиями, потом своей начитанностью и знанием естественных наук, а еще позже – мечтой о «прогрессивном» поместье!.. С каким негодованием отвергала упреки в «институтском незнании настоящей жизни» - и что же теперь? Неужели наши критики оказывались правы и мимо нас все же проходило много важного? Неужели я осталась чужда городу, в котором прожила несколько лет – если не представляю, чем он жил последние недели?

...Разумеется, никто из нас не остался прежним, пережив тот год. Не раз мне придется осознать свою политическую неграмотность - и все равно порой воображать, что именно я лучше всех знаю, «что есть истина»... Когда окружающие словно вновь будут играть какие-то роли, не понимая, что все происходит по-настоящему, мне будет хотеться встряхнуть каждого и прикрикнуть – осознает ли он, что делает? Но... Нет, пожалуй, только к лучшему, что я могла так мало!

- Да это же война! Самая настоящая! – доносились до меня разговоры незнакомых воспитанниц-петербурженок.

- Как – война? Разве же это возможно, mesdames? Не в Маньчжурии, а тут, у нас? В столице?

- Да, тут! И не с японцами, а со своими же...

«Кто же эти «свои»? – я не рассуждала о классах и сословиях, а поняла последнюю фразу буквально – и она стала только страшнее... «Неужели и мы окажемся врагами друг для друга?»

- Нас ведь учат, как оказывать первую помощь... Мы бы не были бесполезными... ни для кого, так ведь, mesdames?

- Да это и сейчас следовало бы делать, а не отсиживаться тут без толку! Ведь наверняка там есть раненые!

«Помогать раненым... Да, наверное... Нет, это единственно верное – помогать раненым, кем бы они не были! Но никто нас не пустит на улицу! Как меня никто не отпустил бы на фронт в ноябре!»

- Ты спрашивала про то, что... может случиться в городе? – выступила тут Лиза Русакова, - На улицах? Это я знаю... Но... Возможно, я бы могла объяснить... вам всем, если бы не...

- Если бы не боялась? – подскочила Ладыжинская.

- Да! Но я же не классных дам боюсь... Мне разочаровываться не хочется ни в ком! Знали бы вы, mesdames, в скольких знакомых мне пришлось разочароваться за эти каникулы!

«Что ж... За каникулы и мне было в ком разочароваться! – подумала я, - Но что имеет в виду Лиза? Вот наши столичные жительницы... Они явно знают больше... Похоже, они весь город рассматривают как-то цельно – и им как будто есть дело до ВСЕГО...».

* * *

Позже нас все-таки развели опять по дортуарам, решив, что «все успокоилось». Окна по-прежнему были запретны, и все-таки, когда мы услышали совсем близко от нас выстрел, а затем чей-то крик, все прильнули к подоконнику и увидели мужчину средних лет, неподвижно лежащего на мостовой, и даже смогли разглядеть несколько темных пятен у самой его головы и кипы разбросанных вокруг бумажек...

Через несколько минут к нему уже бежали какие-то люди из нашего института, все больше жильцы полуподвального этажа. И в бывшем среди этой толпы нашем ровеснике все

мы сразу же узнали Пашу Карцева. Больше всех, конечно, заволновалась Русакова, которая сразу же побежала вниз. Тем временем во дворе раненого подняли и понесли куда-то...

Только когда нас уже заставляли укладываться спать, Лиза вернулась подавленной и произнесла:

- Увы, mesdames, эта беда нас все же не обошла... Он умер.

- Что? Кто? Это кто умер? Что случилось?

- А вы не узнали? Хотя... Это же Карцев, отец Паши... Сама я сейчас ничего не понимаю. Там старшие все по-разному говорят – одни, что просто недоразумение вышло, другие – мол, слишком подозрительно... Зачем только он вышел теперь на улицу?!?

Мы были потрясены. Как будто уже успокоились, а в это время на улице, оказывается, еще легко можно было погибнуть... Теперь уже казались глупыми все наши дневные споры и страхи. Ведь у нас-то внутри было все в порядке...

А еще... ведь для многих из нас это была первая смерть, свидетелями которой мы почти что оказались сами. А кто повинен в ней и почему – узнаем ли мы когда-нибудь?

Конечно, потрясены будем не только мы, а и весь институт. Старший Карцев по своей работе секретаря не имел отношения к самим воспитанницам, да и в причине его смерти Анненкова, естественно, увидит нечто «скандальное». Никто не обяжет нас присутствовать при отпевании, а все необходимые ритуалы велено будет «справить» как можно незаметнее для нас. Конечно, Лиза будет всей душой стремиться к другу, и мысленно сразу станет подбирать его родным места для службы у ее отца, если им придется оставить институт... Но и мы не останемся безразличны.

... Пока все стали молча наводить порядок в дортуаре. Томик стихов Лермонтова валялся раскрытым на полу, мы подняли его и обомлели, прочитав:

...Настанет год, России черный год,

Когда царей корона упадет...

* * *

Стоит ли много говорить о той первой ночи после воскресенья? Разве мы могли спокойно уснуть, едва не оказавшись свидетелями убийства? И могли не видеть во сне кровавых пятен на снегу?

Выходит, началась и другая война – рядом с нами, на столичных улицах? Между **с в о и м и**? Но кто же должен был быть нам сегодня «своим»? Карцев-старший, служивший в нашем институте? Или молодой князь Андрей Юрьевич – тоже отец семейства, который, если бы ему пришлось выйти на службу... Отдал бы он убийственный приказ подчиненным? Или еще раньше оказался бы сам жертвой озлобленной толпы? Нет, тысячу раз права Миля, радующаяся теперь тому глупому поединку! А я... Неужели и я должна радоваться тому, что Арсений сейчас на японском фронте?

...Вновь я вспомнила и разницу между нами, недоумевающими провинциалками и петербурженками, знавшими куда больше... Теперь я тоже чувствовала этот сковывающий липкий страх – отнюдь не за себя! У каждой столичной одноклассницы могли быть родные и знакомые по обе стороны... А если и не оказалось причастных к самим вчерашним событиям, что-то о них непременно подумали! И всем нам - о чем еще днем говорила Русакова – *«не хотелось ни в ком разочаровываться»!* Право же – все ли могли быть уверены в своих близких? Все ли могли знать, что и наше потрясение, и наше сочувствие неизвестным пострадавшим будет принято? Что взрослый собеседник – родственник ли, учитель или классная дама – не станет злиться на нас за то, что мы «не тем забиваем головы»? Не начнет утверждать, что в того, кто показался подозрительным, стрелять можно и нужно? Или наоборот – не будет упрекать нас в пресловутом «незнании настоящей жизни» и непонимании того, «что творится»? Не будет обвинять нас в нашей безопасности и «сытости», во имя которых происходит все дурное? И

еще – не попытается побыстрее прекратить разговор, прикидываясь добреньким, но оставаясь равнодушным?

...По обрывкам каких-то взрослых фраз нам удавалось узнать о том, что происходило в эти январские дни в столице, и я порой слышала разговоры все те же более осведомленных одноклассниц-петербурженок о том, кто виновен в расстреле демонстраций, и хотел ли именно такого устроитель злополучного шествия Гапон... А я только тогда и услышала впервые эту фамилию. И понимала, почему эти разговоры ведутся так осторожно... Те «разочарования» в любимых наставницах, которых боялись больше формальных наказаний.

* * *

Так начался для нас тот год совершенно другой жизни. Год, в который не раз приходилось по-новому смотреть на самые неожиданные вещи...

Вот, например – часто ли мы представляли себе, как всего за какие-нибудь пятьдесят лет до нас наши сверстницы готовили уроки при свечах? Для нас ведь тогда уже и электричество было неотъемлемой частью технического прогресса, а не малопонятной диковинкой с физических уроков... А воспоминания о «ледяной воде с корочкой сверху» для умывания давно уходили в легенды. Нас тоже стремились закалять, но ведь современный водопровод в наших умывальных уже имелся! Мы учились в начале нашего двадцатого века – «цивилизованного», каким его все называли. Читали в умных книгах разные научно-технические прогнозы, вроде путешествий на другие планеты и избавления от всех известных болезней...

Но вот... Вот эта самая ледяная вода для умывания. Вот те самые свечи для повторения уроков по вечерам... Ведь оказывалось, что не только бастовали фабрики и заводы – не работали и городские службы.

Теперь я уже никак не могла думать, что мне не должно быть никакого дела до заводских забастовок. Осталось ли еще что-то на свете, до чего не должно быть дела нам?

...Мы замечали перемены в нашем быте – и все же стыдились жаловаться на трудности. Еще бы! Нелепо сожалеть о холодной воде, когда, оказывается, прямо под нашими окнами могут убить человека... Да когда еще «Лермонтов» открылся на таком ужасном предсказании! Все были уверены, что в нем говорится о нас...

* * *

Все так же, по обрывкам чужих разговоров мне вновь, как и на каникулах, открылся целый новый мир, который я прежде не замечала... Целый город, существовавший на том же месте, что и наш благородно-сказочный Петербург... Город тех, кто «отходил» на зимние заработки и из «нашей» деревни. Кто знает, не пострадал ли в воскресенье кто-нибудь из наших земляков?

Наша первая ученица, конечно, лучше всех знала этот мир, завладевавший теперь мыслями многих. И волновалась не только из-за Карцевых...

- Вашим-то людям, конечно, протестовать не с чего! – говорили ей, - Твоего отца уж точно не в чем упрекать!

- Упрекать-то не в чем... И мы ведь убеждали всех, кого только знаем, оставаться дома в воскресенье! Но ведь у каждого мог найтись кто-то близкий, кого мы не знаем! И если вот этот кто-то решил во что бы то ни стало пойти на демонстрацию... И его пришлось бы выручать, рискуя собой! Нет! Ведь прекрасно понимаю, что мое... наше дело и теперь – учиться! Но всегда находилось, чем утешиться, если что-то пропускаю за пределами института! А теперь как будто и дома надо быть, и на фабриках, и в Аркадьино! А приемные дни наверняка отменят! А **так**и письма... наверняка не пропустят!

«Да даже если бы наши письма родным не проверяли! – подумала я, - Стоит ли писать родителям о том, что происходит в Петербурге? Нет, наверняка, они уже знают – как знали о забастовках... И наверное, хорошо, что решились повезти нас... Повремени мы день-другой

– и не добраться бы до института! Но... наверняка надо подтвердить, что сами мы в безопасности!»

На самом деле, я уже не могла быть уверена ни в чем... Но, в отличие от Лизы, опасалась, чтобы Аделаида Николаевна не запаниковала и не решила срочно забрать нас домой, не дожидаясь выпуска.

* * *

...И все же у большей части наших институток не было ни родных среди промышленников, ни знакомых среди рабочих – а были офицеры и юнкера. И никакие столичные новости не могли заставить нас забыть о продолжающейся войне с Японией.

По-прежнему мы всей душой желали победы своим отцам, братьям и любимым – и в то же время знали, что ни в чем не упрекнем их, случись им вернуться побежденными. Но этого поражения из нас никто не желал... А скольким петербурженкам довелось на каникулах слышать возмутительные для нас речи о «пользе» поражения России для внутренней политики! Как будто поражению дипломатическому не предшествуют проигранные сражения с сотнями новых жертв!

Для меня даже слова нашего циничного соседа Пахомова казались теперь достойнее... И разве они не были хотя бы отчасти справедливы? Любой из нас доводилось встречать пустых людей, вовсе не заслуживавших никаких дворянских привилегий...

* * *

...Да, внешнюю политику нельзя было все же не объединять с внутренней, а Нева и далекая Ляохэ словно впадали для нас друг в друга.

Из-за той же «закрытости» института мы, конечно, отличались от гимназисток. Очень мало понимали тогда, что в действительности происходило в нашей стране и не могли иметь «взрослых» убеждений по поводу того, как все «должно быть». Вряд ли большинство из нас могло отнести себя к какому-то определенному политическому «лагерю» - да и не знали мы толком, какие лагеря вообще существуют в наше время. Но уже на каникулах слишком многие поняли, что даже в одной семье может не быть согласия – как у тех же Ланевских...

Все чувствовали, что назревают какие-то грандиозные перемены – и они уже отражаются на нашей жизни.

...Еще недавно всем показалось бы, что политика – это слово откуда-то из учебника истории, то, что делали и делают монархи и их приближенные... Или то, о чем пишут на самых скучных страницах взрослых газет! Оказалось, что мало с кем говорили об этих серьезных вещах дома... Но нет, все же наша аполитичность оказалась далека и до идейного монархизма! Возможно, устои нашего государства из «православия – самодержавия – народности» казались начальству слишком непоколебимыми, чтобы твердить нам о них все усерднее? Или мы считались преданными престолу просто потому, что были «благородными девицами» от рождения? Да только никто не усомнится, например, в происхождении того же «старшего» князя Юрия Николаевича! А он бывал на банкетах, где, оказывается, не столько ели, сколько говорили речи о необходимости ограничить самодержавие... Вот почему эти приглашения так не нравились его домашним! Но если можно было устраивать такие банкеты – значит, у него много единомышленников среди знати! И происхождение ничего не гарантирует... или в самом деле не обязывает ни к чему?

...Теперь мне кажется, что любые рассуждения о «престоле» или «династии» - и даже сама императорская семья – были прежде для многих из нас частью не политической, а придворной жизни, какого-то церемониала... Мечта? Игра? Или лишь «осколок» прошлого, к которому принадлежали наши «кисейные барышни» и которому нет места в мире «современных» и «прогрессивных» людей?

Еще недавно эти «миры» и мне казались несовместимыми. Я не задумывалась о своем дворянстве как о какой-то политической привилегии – но представляла себя в будущем за

любимыми занятиями, а не пустыми «светскими» беседами. Но как же изменила меня поездка в Аркадьино! Я увидела в домашнем усадебном хозяйстве не ограничение, а применение своих знаний. Поняла его по-отцовски как «очаг культуры»...

Да! Все же и моя реальная девичья, и желанная будущая жизнь протекала в дворянской среде, где как-то находилось место и старому, и новому... И можно ли было теперь надеяться, что такие на первый взгляд далекие «политические события» не разрушат эту среду? Разве могли бы мы существовать вне ее? Разве удалось бы не отказываться от своих планов? Но... Имеем ли мы право беспокоиться о нашем «личном» будущем? Не эгоистично ли это?

Слишком о многом мы знали очень мало, но теперь чувствовали необходимость говорить. И, едва отлучались классные дамы, принимались обсуждать немногие вести о происходящем во внешнем мире...

* * *

Как мы узнали потом от родных, в то время в Петербурге не работали многие гимназии и училища. Но им было легко отменить уроки, а у нас... Большинство девочек было, как и я, провинциалками, поэтому все мы так и оставались в институтских стенах. Официально уроки не отменялись, но на самом деле приходили и работали только некоторые из учителей. Поэтому последнее полугодие, которое должно было быть самым важным в нашей учебе, началось так несерьезно. Поэтому у нас и оказывалось много времени на наши обсуждения...

Только один из отсутствующих, «естествовед» Тимофеев, сначала объявил себя забастовщиком. Некоторые сказались больными. Математик сообщил, что беспокоится о родительском домике на окраине города – как бы его не разграбили мародеры.

- Я тоже беспокоюсь! – выходила из себя Анненкова, - У меня тоже есть дача... Есть имения! Но я должна отвечать за весь институт! Да что тут посторонние, когда родной сын...

Об очередном споре матери с сыном мы узнали от инспектрисы.

- Мама, я понимаю, как Вам сейчас непросто, - оправдывался Евгений Александрович, - но и Вы поймите – каково мне идти против нашего университетского сообщества! Как же я, когда везде идут забастовки и профессоров, и студентов, веду уроки в женском институте? Ведь они как раз и считаются оплотом...

- Ретроградства и мракобесия? Говори уже, не стесняйся! Мало мне ваших банкетов... Ваших обращений! Может, ты хотел бы, чтобы меня из-за твоих идей сняли с должности?

Некоторых учителей решила не вызывать сама начальница – точнее, все больше учительниц русского и французского... Но и немца Дрейзена.

- Мало ли что будет дальше твориться на улицах? Не хватало потом полдня в чувство это оранжерейное растение приводить!

Не вызывали и Марину Андреевну – как выяснилось, «в ее положении тем более следует сидеть дома». Мы обрадовались за нее – и то была единственная хорошая новость в эти дни! И в то же время она значила, что больше мы не сможем сидеть на уроках любимой учительницы.

...Инспектор, живший в самом институте, как оказалось, был в злополучное воскресенье в городе – и вернувшись к вечеру, долго не мог успокоиться... А сразу после всех уличных потрясений на него обрушились все хлопоты об уроках отсутствующих учителей.

И не заставили себя ждать новые события, заставлявшие надолго забывать и о научных занятиях, и о наших наивных попытках «политического просвещения».

Январь 1905 г. Первое «политическое» противостояние

Кончилась всеобщая забастовка, и, хотя и теперь никто не мог сказать, что будет со всеми нами дальше, у нас все же состоялся первый приемный день. Моего брата Мишу не отпустили из училища, а вот поправившийся Андрей Юрьевич Ланевский смог не только навестить сестер, но и даже перекинуться взглядами с Милей.

Как раз в этот момент в зал вошел Анненков. Обычно учителя не никогда не появлялись на приемах! И никогда прежде нам не приходилось видеть нашего минералога таким бледным и взволнованным с трясущимся от негодования подбородком... В небрежно накинутом на плечи пальто он решительно подошел к молодому князю и выпалил:

- Это неслыханно! Вы ходите, как ни в чем ни бывало по улицам! И осмеливаетесь заявляться сюда!

- А почему же, позвольте спросить, я не имею права ходить по улицам моего родного города?

- Ах, так Вы, оказывается, и не подозреваете, что творят на этих улицах Ваши люди! Но надеюсь, Вы не против с этим познакомиться? Прошу последовать в мой кабинет!

И вроде бы Евгений Александрович произнес это совсем не командным голосом – но Андрей Юрьевич подчинился! Пожал плечами, пробормотав «Какие еще мои люди?» - но извинился перед Вальтер и вышел из зала вслед за своим обвинителем...

Тут мы с Милей сразу же поняли, что не должны остаться в стороне от этой ссоры – и, тоже побегав на третий этаж, спрятались там возле кабинета естествоведения... Нам даже не пришлось подслушивать – так громко «беседовали» младший Анненков и старший Ланевский.

По словам нашего учителя, утром солдаты некоего гвардейского полка избили на улице нескольких студентов, крича, что те «сеют смуту»... Среди пострадавших оказался и старший сын Евгения Александровича, двадцатилетний Витя – причем его существование поразило нас чуть ли не больше, чем само происшествие. Анненков прежде представлялся нам каким-то «человеком без возраста», а уже взрослой мне не раз хотелось в шутку спросить, не прячет ли он дома портрет, стареющий вместо него, как у Дориана Грея...

Оправдываясь, Андрей Юрьевич рассуждал о том, что не знает, о каком гвардейском полке идет речь – может, о Преображенском? Но точно не о Кавалергардах... И не собирается отвечать за «всякий сброд».

На что сын нашей начальницы снова возразил, что этот «сброд» теперь специально натравили на образованную публику. А уж девятого-то января «прославились» все полки, а значит, все офицеры равно виновны в том, что происходило в Петербурге дальше...

- Уж не меньшая ответственность на вас! – мы поняли, что имелись в виду некие единомышленники Анненкова, - Кто подсовывал рабочим петиции с политическими требованиями?

- Это, простите, не Вам решать - какие требования кем подсунуты! Вы их все равно не признаете! Для Вас есть лишь одна свобода – кутить в ресторанах!

Все дальше уходил этот разговор от избиения студентов. Злободневные политические распри только обостряли старые взаимные предубеждения офицеров и «штатских»... Неудивительно, что в конце концов двое хорошо знакомых нам людей обвинили друг друга в государственной измене. Но как же не вязалось то, что последовало вскоре, с тем, из-за чего ссорились! Как внезапно январь 1905 года оказался коркой льда, который треснул и разломился – и обнажил «Атлантиду», казалось, давно прошедшей эпохи!

Дуэль! Да – ни много, ни мало... Дуэль – «поединок дворянской чести» времен Пушкина и Дантеса, Лермонтова и Мартынова... Дуэль не из-за женщины – из-за политики. Дуэль между верноподданным офицером и либеральным профессором, которые оба носят княжеский титул. Дуэль между женихом Мили и одним из наших же преподавателей...

Евгений Александрович вышел из кабинета, не заметив нас, а вот Андрей Юрьевич... поскольку прежде о дуэлях я только читала, меня и поразило, наверное, выражение его лица. Он злился от всего того, что наговорил ему будущий противник – но словно вовсе не волновался из-за предстоящего поединка. Увидев Милю, он только вздохнул и спросил:

- Дорогая, ты веришь, что я не совершил бы ничего, позорящего достоинство русского офицера?

- Конечно, верю... И... Знаешь, но я уже, как ни странно, готова благодарить твоего братца! Ты же ведь из-за его удара был дома девятого января...

- Да, может быть, это вышло и не зря... Но не оправдываться же перед НИМ! – мы поняли, что речь уже не о Марке, - Я ведь не гимназист какой-нибудь!

- Andre! Я не буду заставлять тебя оправдываться! Но... Ты же... Вы же все это не серьезно... С дуэлью? – волновалась подруга.

- Как раз очень даже серьезно! Вы обе, конечно... Только выпускаться из института теперь будете... Вы не можете до конца понять, о каких вещах мы только говорили... Как это отражается на судьбе Отечества!

- Нет, я понимаю, что сейчас ты слишком раздражен, чтобы рассуждать здраво! И я надеюсь, что ты скоро поймешь... То, что у вас различные убеждения... Ведь рано или поздно все эти распри... все равно кончатся! Я знаю, о чем говорю... Ветви моего рода, Вальтеров, враждовали между собой во времена религиозных войн... Но все равно же потом примирились! И... все это не стоит ведь того, чтобы рисковать жизнью! И того, чтобы отнять жизнь у другого!

- Миля! Знаешь же... Это хорошо, что ты знаешь историю своего рода! Но вот тебе случилось читать пушкинскую «Историю Пугачева»? А о якобинском терроре вам много рассказывали? И ты спрашиваешь меня, стоит ли рисковать своей жизнью, чтобы такого больше не происходило на свете? Да... Знаешь ли, я готов пока не связывать тебя никакими обязательствами... Но от убеждений не отступлюсь и мириться из трусости не стану!

- Из трусости? Боже мой! Да... не преувеличиваешь ли ты, Andre!?!?

- Еще под Рождество преувеличивал бы, но теперь – нет!

- Но... Послушай... Вот мы с Женей два года проучились у Анненкова...

- Понятно! Выходит, и вы под его влиянием. Что он вам проповедовал?

- Ничего «политического»! А только не стоит его воображать новым Пугачевым или Робеспьером – не та фигура!

- Но у него есть, по крайней мере, единомышленники! Он говорил «мы», а значит, нам предстоит не просто дуэль, а политический акт! Она состоится – и я требую: не ищите с ним примирения сами! Не то я вновь вызову его лично!

* * *

С самого седьмого класса мне не доводилось видеть Милю плачущей – но теперь...

- Женя, - всхлипывала она, - почему так выходит? Я ведь... Извини, если это тебя оскорбит, но... я так была счастлива, что Andre служит тут, в Петербурге... В гвардии! Что на войну его только в крайнем случае пошлют...

- Да он и без гвардии ведь... Вдовец с тремя детьми!

- Да... Но теперь... Ведь что же выходит? Что же вообще происходит? Живем все в столице, а... Все равно, тут как на войне! И не кто-то чужой напал, чтобы обороняться – как в Порт-Артуре... И не как в той твоей сказке... Ведь между собой воюем! И ведь сами под пули лезут! А о детях – тоже сами не думают!

- Но... Анненков же говорил, что он как раз из-за сына...

- А лучше, что ли, сыну теперь будет из-за этой дуэли?

- Нет, конечно... Да и не виноват ведь твой Андрей Юрьевич ни в чем на самом деле!

- А раз не виноват – зачем тогда... так? Нет, я такая же дворянка, как и все мы... Мне не надо рассказывать, что такое честь! Я прекрасно понимаю желание наказать какого-нибудь

подлеца! И... Право же, если бы нам, девушкам, было дозволено принимать участие в поединках... Я сама бы не струсилась! Но... почему теперь все оказывается так... невыносимо?

Мне было понятно, почему. Дуэль представляла для нас благородным и романтическим делом, когда речь шла о книжных или исторических персонажах – да и себя лестно было представлять опытным бретером... А когда дуэль – вот она, настоящая, и стреляться или драться на шпагах предстоит близкому тебе человеку – как далеки от тебя оказываются любые велеречивые рассуждения о чести!

Но ответить что-либо я не могла, не задев подругу. Ведь и я была ничем не лучше! Я, некогда считавшая романтическими не только дуэли, но и войны... Считавшая – до того, как отправился на войну Арсений... Теперь у нас с лучшей подругой общая беда... Кто-то сказал бы «женская»?

Но... Неужели это значит, что мы, девушки и женщины – и впрямь невозможные трусихи? Или мы в самом деле «глупые курицы», неспособные понять, что такое «честь», что значит для офицера присяга? Но почему мы все равно так беспокоимся о наших любимых? Их не спрячешь, конечно, под юбкой – да и они оба не допустили бы этого сами... Но как же тогда их беречь?

- И... ведь я совсем-совсем не знаю, как... как мне поступить! – подтверждая мои мысли, воскликнула Миля, - Andre же запретил вмешиваться... Да ведь и дуэль эта – не из-за меня!

- А ты бы хотела, чтобы из-за тебя? – нервно засмеялась я.

- Тогда бы я могла как-то помешать им! Внезапно появилась бы там, на месте... Между ними... Как в романах! И все бы разрешилось без крови!..

* * *

К кому из взрослых могли обратиться за помощью мы, институтки? Было нетрудно догадаться, что думает о дуэлях отец Иоанн. Ведь даже в руководствах по светскому этикету, которые нам порой читали класные дамы, подчеркивалось противоречие этих поединков с христианством. Но сможет ли наш священник подсказать нам нужные слова для примирения сторон? Тем более в такой нетривиальной дуэли – не из-за «дамы сердца», а по «политической» причине... Если по мнению церкви молодой Ланевский в то же время обязан быть верноподданным – будет ли осуждено его решение стреляться с «возмутителем спокойствия»?

...В конце концов, мы решили прежде всего обратиться к Соловьевой. Дарья Алексеевна пришла в ужас – но волновалась не только за суженого племянницы.

- Выходит, в Петербурге сейчас и учиться небезопасно! Слава Богу, сейчас вы обе тут, в институте... Но успокоятся ли все к осени? Вы мечтаете о курсах – но как бы и вам, девочки, не повторить судьбу Вити!

- Auntie, но лучше ли этому Вите будет, - спрашивала Миля, - если его отец погибнет на дуэли? Или если Евгения Александровича посадят в тюрьму... за убийство?

- Не лучше, разумеется! Но... Анненков – преподаватель, а я по своей должности руковожу класными дамами... Могу ли я ему приказывать что-то о том, что даже не касается воспитанниц? Надо убедить его иначе...

- Но Andre запретил нам вмешиваться и подходить к учителю...

- Но он не запрещал вам обратиться ко мне и уж тем более не запрещал мне действовать по своему усмотрению! И... Пожалуй, я бы прямо сейчас поехала к нему на квартиру – проведать сына и... Могу взять вас с собой! Вы должны проявить участие... В первую очередь ты, Миля, если ты оказываешься невестой противника... И ты, Женя, если ты все равно уже вовлечена... Со мной вас отпустят куда угодно! Можно даже не спрашиваться у начальницы... И... Да лучше, чтобы она пока не знала.

* * *

Дорогу я помню плохо – и теперь не могу верно судить, что изменилось в городе с той минуты, когда я вернулась в институт на последнее полугодие. Но не могу не признаться в

том, что приходило мне тогда в голову. Я представляла себе картины, в которых мы с Милей ОТБИВАЛИ какого-нибудь еще студента или гимназиста от разъяренной толпы, чем завоевывали уважение Анненкова – и это как-то непременно приводило к отмене злополучной дуэли... И мне действительно казалось, что мы выйдем победительницами в таком уличном бою – мы, две институтки выпускного класса!

Наконец мы приехали на квартиру, оказавшуюся на самом деле квартирой нашей начальницы, отданной той в распоряжение семье «не умного, а ученого» сына – с условием лишь оставить в неприкосновенности старые парадные комнаты. Но из просторной прихожей мы свернули не в эту анфиладу с раззолоченными дверями, а в другую, жилую половину, обставленную и современной мебелью в модном стиле, но намного скромнее, чем в том же Аркадьине Русаковых... Я сказала бы даже – нарочито аскетичнее, со строгими прямыми линиями вместо завитушек.

Как то, что мы увидели в «семейной гостиной», отличалось от прежних наших представлений о квартире с тяжелобольным, навеянных журнальными повестями! Никаких затемненных комнат, никаких запуганных, прячущихся по своим углам домочадцев, причитающих нянюшек и кухарок...

В этом ярко освещенном зале было много народу. Мы с Милей очень обрадовались, увидев и нашу любимую Марину Андреевну – встретившая нас хозяйка оказалась ее необычайно похожей старшей сестрой... И мы поняли, почему все же слишком «вольная» по институтским меркам бестужевка Ольховская не только поступила к нам в свое время учительницей, но сохраняла место и после замужества... Все благодаря родству с сыном начальницы.

Дарья Алексеевна выразила сочувствие и предложила всю возможную помощь хозяйке, Нине Андреевне – и обе они ушли разговаривать в одну из дальних комнат. Мы остались в компании молодежи, бывшей все больше однокурсниками пострадавшего Вити – и прочими студентами. Они приходили справиться о его здоровье, хоть к нему самому по-прежнему не пускали – и как-то выходило, что каждый новый визитер тут же вовлекался в ту или другую беседовавшую компанию – и оставался в квартире, которую они называли «профессорской», до вечера. Обнаружилось по компании и в «малой столовой», и в длинном кабинете Анненкова.

Видимо, повторить судьбу одноклассника опасались – и потому лишь несколько человек были в студенческой форме, а больше в «штатских» костюмах или широких темных рубахах «под мастеровых». Что хотели последние – слиться на улице с толпой или продемонстрировать «близость к народу»? Но, конечно, тут могли быть студенты и простого происхождения, для которых такой наряд был привычным.

Присмотревшись, мы увидели и девушек – явно бестужевок. Но как непохожи были они на тех, кого я встретила когда-то в театре перед нашим поступлением в институт! Лишь две или три курсистки пришли в известных нарочито-строгих платьях, а у остальных даже зимние повседневные наряды не были лишены изящества. Увидели мы визитерок и в светлых костюмах с жакетиками, и в белых блузках с пышными рукавами... Головки можно было найти и стриженные, и с простыми, но модными прическами.

До нашего появления вся эта молодежь, конечно, успела вволю наговориться и по своим учебным, и по «политическим» вопросам – хотя все же любые разговоры непременно возвращались к Вите. Тревога за больного не «висела» здесь в воздухе постоянно, как пишут в тех же романах – а скорее уж начинала порой метаться по комнатам, как шаровая молния... В такие минуты все обращались с вопросами и предложениями помочь к сестре Вити, тоже бестужевке-первокурснице, которая только и ходила к брату.

Но увидев нас с Милей, многие застыли в недоумении. «Что здесь надо этим благородным девицам?» – было написано на их лицах. О, все эти предрассудки об институтках были нам прекрасно знакомы! Я считала себя, как и многих одноклассниц, слишком неподходящими

под такие карикатурные описания, чтобы даже оправдываться перед этими студентами – и, чувствуя, что от меня ждут каких-то слов, выступила:

- Мы тоже ученицы Евгения Александровича... Он и у нас в институте преподает!

...Возможно, стоило сказать эти слова более непринужденным тоном, чем они получились... Пожалуй, излишне высокомерно? Но я так не хотела, чтобы меня посчитали наивной и восторженной дурочкой – и особенно эти девушки... Ведь если я тоже окажусь на этих курсах осенью – мне придется общаться и со «старшими»!

- А вы... все с физико-математического факультета? – решила я тут же загладить на всякий случай впечатление.

- Вот я в какой-то мере такая же институтка, как вы! – засмеялся один из юношей, - Поскольку в Лесном институте обучаюсь! Так что, mesdames, право же, не тушуйтесь...

Нас забросали названиями многих учебных заведений столицы – казенных и частных мужских и женских... Чтобы поддержать беседу, мы с Милей стали расспрашивать о курсах бестужевских.

- Институтки на курсах! – вдруг фыркнула одна из «аскетичных» девушек, - Их давно следует ожидать!

«Неужели нас все-таки тоже признали прогрессивными!» - обрадовалась было я, но тут же услышала дальше:

- Отступаете вы от наших идеалов, бестужевки! Да-да! Даже тут, я посмотрю, много «белоподкладочных»! Вот о нашем Лесгафте эти благородные наверняка и не слышали!

К счастью, тут двое студентов, явно частенько бывавших у своего профессора дома, выручили нас, вызвавшись показать нам коллекции в кабинете – и мы вышли туда вместе с младшей Анненковой и Мариной Андреевной. Все эти минералы и палеонтологические находки были довольно любопытны, но в эту минуту не только Милю, но и меня больше всего волновал исход предприятия Дарьи Алексеевны.

Вскоре в гостиной все разом оживились и зашумели – это пришел сам Евгений Александрович. Пришел, как оказалось, еще с кем-то, с кем спорил по пути о «политике». Наши студенты тоже вернулись, заинтересовавшись разговором, а за ними и мы с Вальтер...

- Да, я категорически отрицаю Ваши методы! – кипятился наш преподаватель, - Я могу еще понять одиночку, который в припадке гнева схватился за пистолет... Я ведь и сам в молодости не был кроткой овечкой!..

При этих словах я невольно усмехнулась – и увидела, что опять думаю с подругой об одном и том же. Разве Анненков так уж изменился?

- Но организовывать банды, которые Вы зовете «боевыми группами», и заранее – заранее! – планировать покушения... готовить бомбы... Ведь это уму непостижимо для любой нормальной человеческой природы! И я решительно не понимаю, как только Вы, Адам Ольгерович, взрослый разумный человек, можете их поддерживать!

- Вот именно как взрослый разумный человек я обладаю профессией и горжусь ею! Я хирург – и хирургия научила меня иссекать пораженные органы или ткани – чтобы спасти организм в целом! И я не могу не видеть в общественном устройстве...

- Понятно... Известное дело - хирургам только бы ножичком орудовать... Недаром их столько веков не считали настоящими медиками!

- А вы, палеонтологи... Собирать скелетики давно умерших тварей – отличный выбор «естествоиспытателя», который не выносит вида крови! А только если вдруг Вам, либералу, по-настоящему придется худо... Я не знаю, за ваши ли петиции, за «богопротивную» науку или за переделку с Вашим сыном – кто пойдет за Вас на каторгу или на эшафот?!? Явно будет тот, кому Вы отказали в «человеческой природе»!

- Не надо на эшафот, - почти простонал тут Евгений Александрович, - у меня свои методы, как я и говорил...

- Вы все-таки о Вашей дуэли? Вот уж что и в самом деле неслыханно!

Анненков и его оппонент прошли дальше по коридору, не заметив нас. Мне этот революционный хирург показался смутно знакомым. Но где я могла его видеть?

- Адам Ольгердович... Имя польское... То есть... - я не заметила, как начала рассуждать вслух.

- Ты разве не узнаешь? Это же Ладыжинский был! Отец нашей Юли... «Волчонка»!

- Он тоже был учеником Петра Францевича! – восхищенно вставила тут недавняя обличительница.

- И что же, он... считает допустимым делать бомбы и... идти с ними убивать кого-нибудь?

- Но Евгений Александрович как раз против! Я же говорила, что он никакой не якобинец... И... ты знаешь, Женя? Я сегодня же напишу Andre... Может, он согласится примириться, если узнает, что Анненков против насилия и против тех «боевых групп», о которых он говорил...

Тут к нам, наконец, вышла Дарья Алексеевна.

- Миля, мы с Ниной Андреевной договорились о том, как будем действовать... Я только прошу, девочки – не надо с Мариной Андреевной об этом всем говорить сейчас... Я тоже была рада снова увидеть ее, но...

- Да, ma tante, я понимаю, что ей нельзя волноваться...

- Ты понимаешь, а ведь Анненков... должен был почти наверняка пригласить именно ее мужа в секунданты! Как лучшего своего ученика... И родственника теперь... Не знаю, положено ли по дуэльному кодексу, но...

Миля почему-то не поделилась тогда с тетей решением написать жениху об истинных убеждениях противника. Настало время проститься со всей собравшейся студенческой компанией и возвращаться в институт.

В передней мы вновь встретились со старшим Ладыжинским. Сам хозяин, видимо, оставался у постели сына – но Адам Ольгердович как будто не заметил этого, вновь увлекшись спором.

- По-моему, теперь совершенно очевидно, что мои политические убеждения вовсе не противоречат профессиональному долгу!

- А если бы Вам предложили... То есть если бы Вас позвали лечить... - начал кто-то из курсисток.

- Полноте, пани, вокруг царской фамилии и так тьма лейб-медиков...

- Зачем же брать так высоко? Вот, например, жандарм, раненый Вашими эсерами... Привезут его в клинику, где Вы как раз дежурите... И как – Вы?

«Неужели он прежде не задумывался о такой возможности?» - удивилась я, потому что Ладыжинского, безо всякого сомнения, последний вопрос изрядно смутил.

- Н-надеюсь, что такого не случится! – ответил, наконец, он, и вышел, ни с кем не простившись и даже негромко хлопнув дверью.

...Почему ТОГДА, на обратном пути, мы с Милей думали только о том, как передать Андрею Юрьевичу слова Анненкова? Почему не придали значения тому, о чем говорил отец «Волчонка»? Все потому, что несмотря на все наши дискуссии в институте, начавшиеся с этого полугодия, в политике мы на деле разбирались очень мало, и даже услышанные теперь слова «эсеры», «боевые группы» были еще далеки... Мы только что осознали, что есть сторонники насильственных и ненасильственных методов – и обрадовались, и даже уже немного возгордились, что мы этот понимаем, а «средний» Ланевский, который старше нас на целых пятнадцать лет – не понимает!

Тогда нельзя было и подумать, каким важным для всего нашего института окажется последний услышанный нами разговор...

* * *

Нам представлялось, что хоть Милиного суженого мы легко сможем выручить – достаточно отправить письмо об убеждениях Евгения Александровича, и Ланевский сам сделает первый шаг к примирению... Но ответ мы получили совсем не тот, которого ожидали.

«Миля! Едва познакомившись с тобой, я понимал, что ты всегда будешь видеть в любом человеке в первую очередь хорошее. Я готов поверить, что и Анненков был у вас в институте неплохим преподавателем, и понимаю, что твоя подруга Женя как «естественница» не может относиться к нему вовсе без пиетета.

Но ты, наверное, и представить себе не можешь, дорогая, в скольких людях мне пришлось разочароваться за последние несколько недель! Я не знаю, чего следует ожидать от родного отца... и порой даже сожалею, что поспешил сделать тебе предложение... Возможно, ты слишком совершенна для того, чтобы присоединяться к нашему – такому непросто! – семейству.

Тем более я не могу быть уверен в человеке, о котором даже от сестер почти ничего не слышал... Ты пишешь, что Анненков при тебе выступал против «насильственных методов борьбы», против революционного террора. Но что он будет говорить, если некое политическое убийство действительно произойдет?... Не будет ли тогда называть его исполнителей кем-то вроде «мучеников революции»? Их разрушительная энергия весьма заразительна! С кем он будет, если все пойдет по худшему из путей?

...Сейчас ваш профессор может сколько угодно выступать против насилия – как Толстой, о моем неприязненном отношении к которому ты уже прекрасно знаешь... Но он служит в университете, преподаватели которого поддерживают забастовки своих студентов. Он общается с публикой, которая в свое время вынесла оправдательный приговор террористке Засулич. С публикой, которая умоляла покойного государя Александра III помиловать убийц его отца... Которая не считалась не только с великими деяниями последнего, но и с гибелью совершенно случайных людей во время покушений... Взять хотя бы гвардейцев Зимнего Дворца – «плевенских» георгиевских кавалеров!

...Возможно, что мне, как бывшему юнкеру, и впрямь не понять нынешнего студента. Поверь, Миля, я вовсе не из тех, кто готов закрывать глаза на недостатки нашей политики в области просвещения – и по многим другим болезненным вопросам. Мне вовсе не к лицу быть противником необходимых реформ – но только лишь в том случае, если на них решит пойти Государь, которому я принес присягу...»

Когда подруга дочитала до этих строк, я только и заметила, что предыдущие страницы были размашисто перечеркнуты... Тут же Андрей Юрьевич объяснялся:

«Извини, что посылаю тебе такое... испорченное письмо. Сперва я погорячился, а потом решил – пусть ты и это прочтешь и, конечно, поймешь меня...»

Но не знаю теперь, что больше меня возмущает – сторона, на которой стоит мой противник, или то, что он назвал меня, русского офицера – изменн

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.